

Лексико-семантические параллели якутской и теленгитской фольклорной прозы

DOI 10.31483/r-97936

УДК 398.2(=512.157)

Гоголева М.Т.^{1,a}, Тутукарова Л.С.^{2,b}¹ГБПОУ РС (Я) «Вилюйский педагогический колледж им. Н.Г. Чернышевского», Вилюйск, Российская Федерация.²МБОУ «1 Кюлетская СОШ им. П.А. Павлова» с. Усун муниципального района «Вилюйский улус (район)», Республика Саха (Якутия), Российская Федерация.^a <https://orcid.org/0000-0002-9685-4056>, e-mail: mtgogoleva@mail.ru^b <https://orcid.org/0000-0001-7265-057X>, e-mail: dolgunlyuda@mail.ru

Резюме: Интерес к теме исследования возник в результате изучения текстов фольклорной прозы якутов и теленгитов. Используемые методы исследования, а именно опора на научные труды, сбор фактов, сопоставительный анализ лексико-семантических параллелей, привели к интересным результатам. Выявленные образцы из фольклора народов, разделенных огромным расстоянием и самостоятельной историей развития, свидетельствуют о наличии общих корней. Легенды отражают особенности мировоззренческих представлений этносов, духовно-нравственные ценности, религиозные воззрения; при этом общность обнаруживается не только в лексико-семантическом плане, но и в композиционном строе подачи материала и синтаксисе текстов. Изменения совсем незначительные, например, в якутском варианте легенды «Спор» образ большого животного трансформирован в соответствии с реалиями арктической природы, так, верблюд превращается в лося. Тематический подход к рассмотрению примеров позволяет прийти к выводу о том, что больше всего совпадений приходится на тексты религиозно-бытового содержания. Отдельные примеры из ономастики также говорят о древних языковых контактах или свидетельствуют о миграционных процессах среди тюркоязычных этнических групп, что еще не получило должного освещения в исторической науке. В заключении статьи говорится о необходимости привлечения более обширного материала к сравнительно-историческому изучению явления. На основе осмысливания собранного материала высказывается предположение об устойчивости отдельных лексем и лексико-семантических конструкций при трансляции традиционных верований народа.

Ключевые слова: фольклор, параллели, лексические единицы, якутский, теленгитский, традиционные верования, соответствия, устойчивость, трансляция.

Для цитирования: Гоголева М.Т. Лексико-семантические параллели якутской и теленгитской фольклорной прозы / М.Т. Гоголева, Л.С. Тутукарова // Этническая культура. – 2021. – Т. 3. – С. 20-23. DOI:10.31483/r-97936.

Lexical and Semantic Parallels of Yakut and Telengit Folklore Prose

Marina T. Gogoleva^{1,a}, Lyudmila S. Tutukarova^{2,b}¹GBPEI RS (Ya) "Vilyuisk Professional Pedagogical College named after N.G. Chernyshevsky", Vilyuisk, Russian Federation.²MBEI "1 Kyuletsk secondary school", Usun, Vilyuisky District. Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation.^a <https://orcid.org/0000-0002-9685-4056>, e-mail: mtgogoleva@mail.ru
^b <https://orcid.org/0000-0001-7265-057X>, e-mail: dolgunlyuda@mail.ru

Abstract: Interest in the research topic arose as a result of studying the texts of folklore prose of the Yakuts and Telengits. Used methods, i.e. reliance on scientific works, collection of facts, comparative analysis of lexical-semantic parallels led to interesting results. The identified samples from the folklore of peoples separated by a huge distance and an independent history of development indicate the presence of common roots. Legends reflect the peculiarities of the ideological ideas of ethnic groups, spiritual and moral values, religious views; at the same time, commonality is found not only in the lexicosemantic plan, but also in the compositional structure of the presentation of the material and the syntax of texts. The changes are quite insignificant, for example, in the Yakut version of the legend «Dispute» the image of a large animal is transformed in accordance with the realities of the Arctic nature, for example, a camel turns into an elk. The thematic approach to the consideration of examples allows us to come to the conclusion that most of the coincidences fall on the texts of religious and everyday content. Some examples from onomastics also speak of ancient linguistic contacts or testify to migration processes among the Turkic-speaking ethnic groups, which have not yet received proper coverage in historical science. In the conclusion of the article, it is said about the need to attract more extensive material to the comparative historical study of the phenomenon. Based on the comprehension of the collected material, an assumption is made about the stability of individual lexemes and lexical-semantic constructions in the translation of the traditional beliefs of the people.

Keywords: folklore, parallels, lexical units, Yakut, Telengin, traditional beliefs, correspondences, stability, translation.

For citation: Gogoleva M.T., & Tutukarova L.S. (2021). Lexical and Semantic Parallels of Yakut and Telengit Folklore Prose. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 20-23. (in Russ.). DOI:10.31483/r-97936.

Введение

В статье рассматриваются лексико-семантические параллели из якутской и теленгитской фольклорной прозы в сопоставительном ракурсе. В качестве материала для исследования привлечены тексты из фольклора якутов и теленгитов, а также схожие лексические единицы, обнаруженные в языках этих народов. Результаты

получены путем изучения трудов фольклористов и аутентичных текстов, собранных авторитетными учеными в местах постоянного проживания носителей языков. Тематический подход к подбору образцов фольклора подсказан путем наблюдения содержательной стороны. Использован также полевой материал авторов, собранный со слов известного сказителя Т.П. Гоголева.

Материалы проанализированы в сопоставлении как смыслового, так и лексического содержания, причем авторы задались вопросом, который в данном аспекте недостаточно освещен языковедами и фольклористами. *Чем можно объяснить сходство и устойчивость отдельных языковых явлений и фактов, наблюдаемых в процессе изолированного развития народов?* Интересными в этом плане предстают лексико-семантические параллели из якутской и теленгитской фольклорной прозы. В целях сохранения репрезентативного материала тексты приведены в оригинале, статья написана на русском языке с образцами фольклорной прозы на якутском и теленгитском языках.

Накопление фактов позволило бы выявить особенности мировоззрения древних тюркских народов, сохранившихся в лексическом материале. Поскольку передача духовных ценностей происходит от поколения к поколению посредством устного словесного творчества, считаем целесообразным обращение к самому популярному жанру фольклора – преданиям и легендам.

Предания и легенды

Как известно, устное народное творчество отражает историю, традиционный уклад жизни, быт и менталитет народа, и, соответственно, весь потенциал в нем от пословиц и поговорок до эпических сказаний реализуется через разнообразие жанров. При этом структурно-семантическая завершенность, лексическая статичность фольклорного языка обеспечиваются законами жанра, благодаря чему и транслируются жизненно важные для конкретного этноса сведения и идеи.

Рассмотрим тексты легенд, имеющих общие корни в фольклоре якутов и теленгитов. Эти два народа разделены между собою не только тысячами километров расстояния, но и принадлежностью к различным языковым группам восточнохуннской ветви тюркских языков. По классификации Н.А. Баскакова, якутский язык относится к уйгурской группе, тогда как теленгитский входит в киргизско-кыпчакскую группу [1]. Кроме того, нет и конкретных сведений по историческим контактам этих народов, за исключением общих предположений относительно южной прародины якутов. Тем интереснее факты, полученные в результате сопоставления якутских легенд и материалов из монографии исследователя теленгитского фольклора К.В. Ядановой [4].

1. Спор между мышью и лосем – распространенный мотив в якутском фольклоре, присутствует и в жанре сказки и как мифологический рассказ.

Мөккүөр (Снор)

Күтүйах уонна тайах мөккүспүттэр: күн саһара таахсарын хайабыт урут көрөр диэн. – Бэйэн қыран, хараынг қыарацаха бэрт, эн урут көрүөн дуо, мин урут көрүөм буоллаца дии, – дийбүт тайах. – Үүн атаххын, улахан хараххын олус эрнэмэ, хайа, мин эмиэ кылатаардаах буоллацым дии, – дийхтээбүт күтүйах.

Дээ кинилэр үүн тахсарын манаабыттар. Тайах үүн тахсар сирин, илүү диехи, күлтээччүү көрөн түрбүт. Күтүйах, күнтэн хараацаа саатар буолан, төмтөрүү хайынан, арбаа диехи көрөн сүллүүт. Сотору союз күтүйах ханынта ишиглийбит: – Мин урут көрдүм! Мин урут көрдүм!

Тайах итэбэйбэкэ аргыый эргиллэн көрбүт. Көрбүтэ, кырдык, күн бастаан маска түүн, мас төбөтүгээр дыирибинээбит эбимт. Кутуяах, хорос гына, тайах диэки хайыстын. – Чыын! Тайах, кыра диэн сэнээбээт буол! – диэн бааран, күлэ-кулэ, хорооонугар сылтыс гыммыт [2, с. 61].

Лось и мышь поспорили, кто из них первым увидит восход солнца. Лось говорит: «Где с твоим росточком и узкими глазками первой увидеть! Конечно же, я буду первым!» – «А ты не слишком надейся на свои длинные ноги и большие глаза, ведь и у меня есть чем смотреть!» – отвечает мышь. Повернулся лось в сторону восхода солнца и уставился выпученными глазами на восток. Мышка, от того что не выносила солнечный свет, улеглась головой на запад. Вскоре мышь закричала: «Я первой увидела! Я первой увидела!». Повернулся лось и видит, как первые лучи солнца уже играют на верхушках деревьев. Выпрямилась мышь и со смехом юркнула в нору: «Чип! Не пренебрегай маленьkim, лось!» (пер. с якут. яз. – Г.М.).

Удивительно, что в теленгитском фольклоре есть почти идентичный сюжет. Приводим краткий отрывок, где вместо лося выступает верблюд, возможно, более ранний герой в фольклоре алтайских тюрков.

Чычкан јылгә киргени (Как мышь вошла в год). Рассказчик И. Т. Эремеев,

Мукур-Таркаты

Тöö лö чычкан ол... Чычкан: «Мен күнди осо кörörim!» – деп, тöö «Мен осо кörörim!» – деп экü маргышалала, таң эртөн чычкан тесе күнбадыштан баштан јадалды, тööөнүн öркөшине чыгала. Анаң чычкан кышкырыстан: «О-о, күнди мен кöрийдим!» – деп, тайганынг башына тийкелен күнди кöрийеле... [4, с. 170].

Верблюд и мышь они... Мышь говорит: «Я раньше увижу солнце!», верблюд говорит: «Я раньше увижу!» – так вдвоем состязались. Рано утром мышь, взобравшись на горб верблюда, легла, повернувшись на запад. Верблюд же лег, повернувшись на восток. Потом мышь вскричала: «О-о, я увидела солнце!», увидев сияющие [лучи] солнца на вершине тайги [4, с. 171].

В приведенных текстах можно отметить лишь незначительное расхождение в деталях. Если в якутской сказке большому самонадеяному лосю противопоставлена маленькая остроумная мышка, то в теленгитском варианте верблюд и мышь общаются более тесно, верблюд позволяет мыши взобраться на горбик, тем самым приравниваются условия состязания. Мораль в этом случае на стороне более остроумного, находчивого соперника, неприметного внешне маленького зверька. На этих примерах видим, каким устойчивым бывает древний сюжет, если наполнен особым смысловым содержанием.

2. Волшебный камень – сата (с помощью этого камня можно управлять природными силами).

Текст. «Сата». Рассказчик М.Г. Наумовский, «Нахаринский наслег

Мегино-Кангаласского района, 1945 г.

«Сата» диэн баар буолар *үү* үксүн: *сүөнүгэ*, *сылгыга*, *кини* туюх эрэ *кыра*, *харангатынгы* *куөх*, *сымыт* *ангарын* *саңа*. *Мээчик* *курдук* *унгуођа* *чэпчеки* *үү*, *учу-гэйдик* *одуулсан* *көрдөххө*, *кини* *сирэйин* *курдук* *сирэй*, *харахтаах* *буолар* *үү*. *Ону* *халлаангы* *көрдөххө*, *или* *куңнэ* *көрдөрдөххө*, *или* *ууга* *уктажха*, *халлаан* *сатарар*, *тымныйар*, *тыалланар*, *бууржаланар* *буолара* *үү* *уонна* *сорох* *ардыгар* *кинихэ* *эмээ* *баар* *дшиллэрэ*. «Саталаах *кини*» *ууга* *баын* *уктабына* (*куөлгэ*, *үрэххэ*, *өрүскэ*) *халлаан* *эмээ* *сатарар*, *дшиллэрэ*; *ол* *туохтан* *оннук* *буолалларын* *саха* *кэпсээччилэрэ* *кыайан* *бынаарбаттар* *этэ* *урут* *даааны*, *билигин* *даааны*, *таах* *ити* *курдук* *сатарар*, *тыалланар* *эрэ* *диэн* *кэпшиллэр* [5, с. 86].

Чаще всего «сата» камень бывает: в теле скота, ко-ней, он размером в половину яйца, цветом – темно-си-ний. На вид камень похож на мячик, сам легонький.

если внимательно взглянуться, то видно, что у него лицо и глаза как у человека. Если его показать небу или солнцу, сунуть в воду, то погода, по рассказам, портилась – холодало, начинал дуть ветер, наступала пурга. Иногда *сата* бывал и в человеке. Если человек с *сатой* совал голову в воду (озера, реки и реки), то тоже, по рассказам, портилась погода. Якутские рассказчики не могли пояснить, и в прошлом, и нынче, из-за чего это происходило, просто вот так говорили, что погода портилась, становилась ветреной [5, с. 264].

Теленгитский «Jада таш» (отрывок). Рассказчик М.В. Таханов, Ортолык

«*Jада таш* деп андый таш бар, тогыс кырту... Жоны табар кишиге табылар. Мный кörötурсан: кан-дый ла öнг бар. Ойндо оны улус сугалан: «*Жадалап түрүс*» деп, яаадыр та ийер сууга суугала, салкындат та ийер, айасат та ийер... [4, с. 242].

Есть такой камень *жада*, девятигранный... Но его находит не каждый. Когда вот так смотришь: [у него] разные цвета [Потом] люди его прячут. Говоря: «управляем погодой», могут вызвать дождь, положив в воду, могут и ветер вызвать, и сделать погоду ясной... [4, с. 243].

Несмотря на то, что якутский *сата*-камень имеет реальную основу происхождения, это – бэзоар в желудках скота, народ наделяет *сата* волшебной силой так же, как и в теленгитской легенде. Теленгитский *жада* имеет более мифологические черты, чем *сата*: как девятигранный (не случайное число) форма, а также трудности в приобретении (находит его не каждый). Но общим для *сата* и *жада* является магическая сила в управлении погодой. В якутском языке есть производный глагол от слова *сата* – *сатарар*, то есть ухудшается погода: усиливается ветер, который приносит ненастье, дождь. Встречается также в составе парных слов: *сата-буурай* – буря, в переносном смысле – бурные дни. Все это говорит о том, что вера в магию *сата* идет из глубин веков и сохранилась в лексеме *сата*.

3. *Тыаллар* (ветры). Обожествление природных сил.

Тыаллар (ветры). Рассказчик Н.А. Парфенов, с. Кюн-дээ Сунтарского района, 1965 г. (в сокращении)

Айыы тыала илин дижиттэн кэлэр. Итинтэн туюх да кунаңан кэлбэт. Кунаңан тыал да, салгын да арбааттан кэлэр. Хотутттан айыыха кунаңан тыал кэлэр. Кини икки мизтирдээх (урдугэ. – Н.А.), сэдэх буолар. Кини курдук көрүнгнээх. Арбааттан балтараа миэтир урдуктээх кэлэр. Кини тобугуттан урдугэ эрэ көстөр. Кини курдук көрүнгнээх... [5, с. 87].

Ветер божество *айыы* приходит с восточной стороны. Он ничего худого не причиняет. Плохой ветер и воздух – оба приходят с запада.

С севера изредка приходит плохой ветер. Он имеет рост два метра. Внешне похож на человека. С запада является ветер ростом в полтора метра. Он похож на человека. Увидеть можно только верхнюю часть его тела, начиная с колен... [5, с. 265].

В характеристике религиозных верований якутов выделяются панпсихизм, анимизм. Природные явления, животный и растительный миры – вся окружающая действительность обладают качествами живых существ. В старину верили, что плохой ветер может и вовсе не быть природным явлением, а воплощением шаманского духа, который выполняет любые его поручения. До сих пор среди народа бытует поверье, что под видом *холорук* (вихрь) перемещается злой дух, и горе тому, кого он преследует.

У теленгитов тоже Дух-хозяйка ветра предстает светлой женщиной (Салкын ээси – сары эмеең) [4, с. 226].

Больше всего поражает сходство рассказов-быличек про түүнектин ээлери (духов-хозяев вихря), подобных якутскому холоруку:

А түүнек, түүнек ол баса кошту кörмөстү нeme. Түүнектен тегинде Чичке-Терек оосында кörгөм мен. Ортосында ак-боро атту ак кийимдү киши бараатты.

А түүнек, түүнек тоже бывает с множеством нечистых духов. Раньше я видел вихрь в устье Чичке-Терек. Посредине ехал человек в белой одежде на бело-сером коне [4, с. 226, 227].

В якутском фольклоре тема небесного пространства, небожителей и земного ветра занимает центральное место. Помимо упорядоченного пантеона небесных покровителей, существуют многочисленные духи и существа, обитающие в противоположных сторонах неба. Вера в этих существа время от времени подкрепляется быличками о сверхъестественных существах. В начале 60-х годов прошлого века в селе Борогон Вилюйского района Якутии жил молодой парень, Семенов Егор Михайлович. Про него земляки рассказывали, что он видел духа *холорук* (вихря). Вихри особенно досаждали на сенокосе, если случается, что прилетит *холорук*, то собранное за день сено редко остается нетронутым. Если Егор скажет: «Вот за эту копну упал дух *холорука!*» – вскоре оттуда столбом поднимается вихрь. На вопрос: «Что ты видишь там?» – он отвечал: «С небес падает түү мээчик, вроде детского самодельного мяча из шерсти» [Рассказчик Т.П. Гоголев, 1907 г. р., с. Борогон Вилюйского района Якутской АССР, запись 07.08.1987 г.].

В лексемах *салгын* (салкын – теленгитское) *холорук*, *түүнек*, *түү* – также сохранились следы религиозных верований о духах природы.

4. *Бийык* – священный. Упоминание о священном дереве *ыйык мас*, жертвенной лошади-ыйык сылгы.

Значительное количество параллелей находим в лексических единицах, семантику которых в полной мере можно определить при взаимосвязанном изучении материалов. Таковы слова из теленгитского фольклора: *кам тыт* – священная лиственница, *jalama* – жертвенная ленточка, священная гора-ыйык, священное животное и др. Эти лексемы имеют параллели в якутском языке с теми же значениями: *ойуун тиитэ-ыйык мас*, *салама*, *ыйык хайа*, *ыйык сылгы* и др. Слово *Бийык* в якутском языке имеет два варианта: *ыйык* и *ыйык*. Первый вариант относится к фольклорному стилю, а вариант *ыйык* является общеупотребительным.

У теленгитов есть средство избавить коня от злого духа-алмыса: «Каждый раз алмысы изводят коня одного человека, загоняя в пот. Человек мажет спину коня kleем / смолой. Алмысы прилипают к коню; человек стегает их плетью» [4, с. 100].

В этнографическом описании якутского обряда *Битык дабатты* (Посвящение коня в священное животное) есть такой отрывок: «Шаман берет жертвенную ложку-хамыйах и окропляет кумысом спину коня от макушки до хвоста, затем по направлению от левой лопатки до правой» [3, с. 86].

Причем это действие воспринимается как необходимая часть обряда посвящения, первоначальное значение которого сейчас сложно объяснить, но вполне можно допустить его охранную функцию от *абаасы* – аналога теленгитского *алмыс*. Созвучие этих лексем может быть не случайным, а результатом фонетической трансформации.

К сказанному можно добавить данные якутской ономастики: топонимы, антропонимы, которые имеют алтайские (теленгитские) аналоги:

Местность *Абыйым Бoom* – *Абыйский* район Якутии. Из различных вариантов семантики топонима *Абыйым Бoom*, приведенных К.В. Ядановой, названию северного района Якутии *Абый* более соответствует значение: «Это... Метель, ветер, такое ненастье, кажется называют *Абыйым...*» [4, с. 35].

Чуйская долина, река *Чуя* – алаас *Чүүйэ* в Мегино-Кангаласском районе, семантика топонима не выявлена.

Село *Курая* – алаас *Куурайа* в Таттинском районе. В якутском языке нет слова *куурайа*, есть наречие со значением *кураайы* – засушливый, что перекликается с версией о древнетюркском происхождении лексем [4, с. 33].

Кои-Агач(ский район) – местность *Куонабас* в Усть-Алданском районе.

Имя Теленгитского шамана *Тыбыкы* – якутское имя жителя с. Борогон Вилюйского улуса Скрябина Афанасия Афанасьевича – *Тыбыкка*.

Здесь отметим, что семантика приведенных слов в полной мере не определяется в современном якутском языке. Например, значение слова *куонабас* утрачено, также как и антропонима *Тыбыкка*.

Заключение

Сопоставление параллелей из фольклорной лексики якутского и теленгинского народов подводит к выводу о том, что отдельные слова и выражения не подвергались изменениям в течение длительного периода этнической истории.

Устойчивость и избирательность средств фольклорного языка, возможно, обусловлены возложенной на них функцией сохранения традиционных взглядов этноса.

Параллели можно обнаружить и в других пластинах лексики, что требует привлечения более обширного материала и комплексного подхода к изучению языковых фактов.

Список литературы

1. Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1952. – Т. XI, вып. 2. – С. 121–134.
2. Сивцев Д.К. (Суорун Омомлоон). Полное собрание сочинений и трудов: в 14 т. Т. 10 / сост. С.А. Леонтьева; гл. ред. В.Н. Иванов. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2009. – 544 с.
3. Федоров Г.Е. Сказы у коновязи. Предания (на якут. яз.) / Г.Е. Федоров, Н.Ф. Егоров. – Якутск: Кн. изд-во, 1991. – 158 с.
4. Яданова К.В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. – Горно-Алтайск, 2013. – 256 с.
5. Якутские мифы. Саха ёс номохторо / сост. Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2004. – 451 с.

References

1. Baskakov, N. A. (1952). K voprosu o klassifikatsii tiurkskikh iazykov. Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka, T. XI, vyp. 2, 121-134.
2. Sivtsev, D. K., & Ivanov, V. N. (2009). (Suorun Omolloon). Polnoe sobranie sochinenii i trudov: v 14 t. T. 10., 544. Leont'eva;; Iakutsk: Media-kholding "Iakutia".
3. Fedorov, G. E. (1991). Skazy u konoviazi. Predaniia (na iakut. iaz.), 158. Iakutsk: Kn. izd-vo.
4. Yadanova, K. V. (2013). Legends of the Telengits of the Valley Ere-Chui, 256, Gorno-Altaisk.
5. Alekseev, N. A. (2004). Iakutskie mify. Sakha os nomokhtoro., 451. Novosibirsk: Nauka.

Информация об авторах

Гоголева Марина Трофимовна – канд. пед. наук, преподаватель ГБПОУ РС (Я) «Вилюйский педагогический колледж им. Н.Г. Чернышевского», Вилюйск, Российская Федерация.
Тутукарова Людмила Степановна – учитель МБОУ «1 Кюлетская СОШ им. П.А. Павлова» с. Усун муниципального района «Вилюйский улус (район)», Республика Саха (Якутия), Российская Федерация.

Information about authors

Gogoleva T. Marina – candidate of pedagogical sciences, lecturer at the GBPEI RS (Ya) "Vilyuisk Professional Pedagogical College named after N.G. Chernyshevsky", Vilyuisk, Russian Federation.
Tutukarova S. Lyudmila – teacher of the MBEI "1 Kyuletsk secondary school", Usun, Vilyuysky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 01.03.2021

Принята к публикации / Accepted 17.08.2021

Опубликована / Published 27.09.2021